

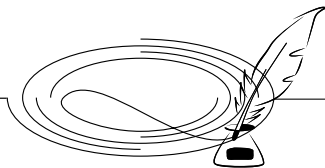
В.А. Острогорская

Терои своего времени

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

Москва
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ГЭОТАР-Медиа»
2022

Содержание

От автора.....	4
ОТЕЦ И СЫН ШАРКО — ГЕРОИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ.....	6
СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!.....	25
ПРАВИЛА ЖИЗНИ ДОКТОРА ШВЕЙЦЕРА	35
АНРИ ДЮНАН — ПЕРВЫЙ ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА	47
КАПИТАНЫ СОБСТВЕННОЙ СУДЬБЫ.....	65
ДАВИД ЛИВИНГСТОН — ПУТЕШЕСТВЕННИК, МИССИОНЕР, ВРАЧ	97
НЕПОПУЛЯРНЫЙ В РОССИИ ХАВКИН	146

Врач и человек

Шарко родился в Париже 29 ноября 1825 г. в семье ремесленников-каретников. Из-за недостатка средств хорошее образование мог получить один из трех сыновей, который отличится в начальной школе. Учиться дальше довелось только Жан-Мартену. Он окончил лицей Кондорсе, а потом медицинский факультет Сорбонны.

Рис. 1.1. Жан-Мартен Шарко

У него была возможность открыть небольшой частный кабинет, но, побывав однажды в госпитале Сальпетриер, Шарко был потрясен тем, что увидел, и решил, что должен там работать, чтобы изменить положение больных к лучшему. Шарко начал работать интерном в Сальпетриере. В дальнейшем, после защиты диссертаций на темы поражения суставов при ревматизме и подагре, а позже — хронической пневмонии, Шарко стал доктором медицины и профессором. В 1862 г. он руководил кафедрой в Парижском университете и неврологическим отделением в больнице.

История госпиталя Сальпетриер

Датой основания госпиталя считается 28 мая 1612 г., когда король Людовик XIII подписал декрет о необходимости изолировать от жизни города 30 000 парижских нищих, бродяг и попрошайек. До этого в Париже существовали так называемые «Дворы чудес» — места, заселенные бездомными и профессиональными нищими, которые днем притворялись больными и инвалидами, чтобы просить милостыню, а ночью чудесным образом исцелялись.

В романе Виктора Гюго «Собор Парижской богородицы» есть замечательное описание такого места: «...по мере того как Гренгуар углублялся в переулок, вокруг него все возрастало число безногих, слепцов, паралитиков, хромых, безруких, кривых и покрытых язвами прокаженных: одни выползали из домов, другие из ближайших переулков, а кто из подвальных дыр, и все, рыча, воя, визжа, спотыкаясь, по брюхо в грязи, словно улитки после дождя, устремлялись к свету. “...Onde vas, hombre?”⁵ — окликнул его паралитик и, отшвырнув костыли, помчался за ним, обнаружив пару самых здоровенных ног, которые когда-либо мерили мостовую Парижа. Неожиданно встав на ноги, безногий нахлобучил на Гренгуара свою круглую железную чашку, а слепец глянул ему в лицо сверкающими глазами.

⁵ *Onde vas, hombre?* (исп.) — Куда бежишь, человек?

— Где я? — спросил поэт, ужаснувшись.

— Во Дворе чудес, — ответил нагнавший его четвертый призрак».

Сальпетриер поначалу с 1656 г. был просто богадельней, то есть приютом для обездоленных. В королевском эдикте говорилось: «Мы хотим и повелеваем, чтобы нищие бедняки, здоровые или больные, обоего пола были заключены в больницу и использовались бы на мануфактурах, а также других работах по усмотрению властей». Но вряд ли можно было назвать это учреждение медицинским. Сальпетриер, скорее, служил местом изоляции всякого рода маргиналов — нищих, бездомных, душевнобольных. С 1684 г. к приюту пристроили тюрьму для проституток. Накануне революционного 1789 г. это уже была самая крупная богадельня в мире, в которой содержались 10 000 бездомных и 300 арестанток.

Медик и литератор Этьен Паризе (1770—1847 гг.) позже описывал ужасную обстановку в больнице того периода: «Здание было совершенно непригодно для жилья. Заключенные, скорченные и покрытые грязью, сидели в каменных карцерах, узких, холодных, сырых, лишенных света и воздуха; ужасные конуры, куда не хватило бы духа запереть самое отвратительное животное! Умалишенные, которые помещались в эти клоаки, отдавались на произвол сторожей, а сторожа эти набирались из арестантов. Женщины, часто совершенно голые, сидели закованные цепями в подвалах, которые наполнялись крысами во время поднятия уровня воды в Сене».

С 1796 г. в больницу стали помещать душевнобольных, а старшим врачом госпиталя назначили психиатра Филиппа Пинеля. Ему удалось полностью изменить режим содержания и лечения психически больных и превратить Сальпетриер из места заключения и изоляции в медицинское учреждение (рис. 1.2, см. цветную вклейку). С душевнобольных сняли цепи, зато появились больничный режим, врачебные обходы, лечебные процедуры, трудотерапия. Присматривали за больными уже не тюремные сторожа, а медицинский персонал.

Пинель не без основания считался «отцом современной психиатрии». Неслучайно перед центральным входом в больницу Сальпетриер ему поставлен памятник.

В 1866 г. Шарко начал читать в Сальпетриере лекции по внутренним, а с 1870 г. — по нервным болезням, они пользовались большим успехом. На них съезжались известные врачи и ученые из разных стран (рис. 1.3. см. цветную вклейку). С 1872 г. он — профессор патологической анатомии на медицинском факультете Парижского университета. В 1883 г. Шарко, уже будучи ученым с мировым именем, стал членом Парижской академии наук.

У него было множество учеников, он был почетным членом нескольких иностранных академий и научных обществ. Шарко дважды посетил Россию (в 1881 и 1891 гг.). Его дочь владела русским языком; у него учились и стажировались многие выходцы из России, в их числе В.М. Бехтерев и А.А. Любимов, который в 1884 г. написал о Шарко книгу «Профессор Шарко. Научно-биографический этюд».

По отзывам современников, Шарко был терпелив и даже ласков с больными, он проявлял к ним необыкновенное участие. Его приемные в госпитале и дома всегда были переполнены желающими получить консультацию.

Шарко был разносторонней личностью, человеком широких интересов. Он очень любил и коллекционировал живопись. Его личной коллекции предметов искусства хватило после смерти на два художественных музея! В коллекции были произведения Рубенса, Рафаэля, Пуссена, Фрагонара. В соавторстве со своим ассистентом П. Рише он составил и издал два альбома произведений живописи, относящихся к медицине: «Одержимые демоном в искусстве» и «Уродства и болезни в искусстве». Шарко неплохо рисовал и некоторые свои лекции и статьи иллюстрировал сам.

Он не просто любил музыку и отдыхал от работы, слушая ее, а устраивал еженедельные музыкальные вечера, которые охотно посещали деятели культуры, политики, общественные деятели. Его интересовала психология творчества.

Шарко умер 16 августа 1893 г. в Морване (Бургундия), куда поехал с несколькими учениками и друзьями отдохнуть и подлечиться, так как у него участились приступы стенокардии. Похороны прошли более чем скромно. Согласно его собственной воле, на его гроб не было возложено ни одного венка и над его могилой не было произнесено ни одной речи.

СЫН

Суда строятся для того, чтобы ходить на них в любую погоду, а моряки [существуют] — чтобы управлять ими.

Из дневников Ж.-Б. Шарко

За свою жизнь я побывал на многих судах и встречал на палубах многих приятных людей, но ни один из них не мог сравниться с доктором Шарко: друг, наставник и советчик для ученых и офицеров, доброжелательный начальник для команды, которая с удовольствием ему повиновалась, человек, всегда внимательный к другим, хотя никогда себя не щадивший.

Датский полярный исследователь Э. Миккельсен о Ж.-Б. Шарко

Остров Шарко

Это уже не болезнь и не симптом, а географическое название. Откуда оно взялось? Жан-Батист Огюст Этьенн Шарко (1867—1936 гг.), сын уже известного нам врача Жана-Мартена Шарко — тоже врач. А еще — полярный исследователь, офицер, океанограф, спортсмен. Именно он назвал открытый им антарктический остров в честь своего отца.

Отец, знаменитый врач, не сомневался, что сын, который получил медицинское образование и даже докторскую степень по теме «Прогрессирующая мышечная дистрофия», и затем помогал ему в работе, продолжит его дело. Действительно, после смерти отца Жан-Батист возглавил одно из отделений госпиталя Сальпетриер. «Когда его не стало, я стал особенно стремиться исполнить его волю. Но мне было очень тяжело оставаться в той

среде, где он был маяком, и следовать по пути, который этот маяк перестал освещать», — признавался Шарко-сын.

Он перешел на работу в Институт Пастера, где вместе с учеными Ру и Мечниковым занялся изучением рака. А до этого, отбывая воинскую повинность, служил врачом в полку альпийских стрелков. Позже он получил разрешение стажироваться на борту броненосца «Буве». Эта стажировка помогла понять, как сильна у него тяга к морю.

В детстве юный Жан-Батист Шарко интересовался кораблями и использовал всякую возможность во время школьных каникул,

Рис. 1.4. Жан-Батист Шарко

чтобы научиться управлять судном. Однажды он сказал отцу: «Папа, я определенно хочу стать моряком». Отец только пожал плечами: «Что за ребячество, ты будешь врачом!»

Жан-Батист много занимался боксом и фехтованием, успешно играл в регби, и его команда несколько раз побеждала в чемпионатах Франции. Кроме того, он увлекался парусным спортом, в 1900 г. выиграл на Олимпийских играх две парусные гонки, завоевал две серебряные медали.

Он был состоятельным человеком, в основном благодаря отцу, и приобретал яхты все больших габаритов, постепенно овладевая все более сложными навыками управления парусами. В 1901 г. он провел ряд океанографических исследований в окрестностях Гебридских, Шетландских и Фарерских островов. В 1902 г. Шарко получил звание морского офицера и доплыл до Исландии и острова Ян-Майен на своей шхуне «Роз Мари». Плавая в этих водах, Жан-Батист «заболел» полярными исследованиями. Для того чтобы их продолжить, ему необходимо было обзавестись настоящим судном, способным выдержать суровые испытания плавания в полярных морях.

Его первая антарктическая экспедиция

В 1903 г. Шарко возглавил французскую антарктическую экспедицию на трехмачтовой шхуне «Француз», построенной в 1902 г. на верфи небольших промысловых судов «Папаша Готье» в Сен-Мало. Первоначально шхуна была предназначена для экспедиции в Арктику, на Новую Землю. На это были рассчитаны ее мощный корпус из дуба, окованный бронзой форштевень, имевший скошенную форму, прочная корма. Вспомогательная паровая машина была, к сожалению, всего на 125 лошадиных сил. На более мощный двигатель у Шарко не хватило средств. Он хотел заняться исследованием Северного Ледовитого океана, собирался дойти до архипелага Новая Земля и попытаться обогнуть его летом 1903 г.

В 1901–1903 гг. сразу несколько стран направили свои экспедиции в Антарктиду. Правительственные, деловые и научные

круги Франции забеспокоились, как бы не отстать, особенно если предстоит раздел нового материка. К этим плаваниям было привлечено внимание всего мира.

В то время мировую общественность волновала судьба экспедиции Отто Норденшельда. Племянник известного шведского ученого и исследователя Арктики Адольфа Эрика Норденшельда, геолог, географ и этнограф, профессор университета в Гетеборге, он совершил несколько геолого-минералогических экспедиций, в том числе на Аляску. В 1901 г. он вместе с капитаном Карлом А. Ларсенем возглавил шведскую антарктическую экспедицию. Норденшельду с пятью спутниками пришлось зазимовать на острове Сноу-Хилл, так как его экспедиционное судно «Антарктик» было затерто льдами и затонуло. Участники экспедиции позже были спасены проходившим поблизости аргентинским корветом «Уругвай» и в декабре 1903 г. доставлены в Буэнос-Айрес. Но до этого момента экспедиция считалась пропавшей.

Шарко решил изменить планы и отправиться не в Арктику, а на поиски и спасение Норденшельда и его спутников. Ему не хватало средств; пришлось продать картину Фрагонара из коллекции отца и искать материальной поддержки в научных и правительственных кругах. Необходимую сумму Шарко неожиданно получил от директора парижской газеты «Матэн», который выделил экспедиции 150 000 франков.

Осенью 1903 г. на своем судне с экипажем из 19 человек Шарко отправился в Южное полушарие. Несмотря на то что Норденшельда уже спасли, французы решили продолжить запланированное антарктическое путешествие.

Сергей Григорьев, русский географ-исследователь, в книге «Вокруг Южного полюса» (1908 г.) пишет (орфография сохранена): «Въ концѣ ноября экспедиція Шарко встрѣтила Норденшильда у Буэносъ-Айреса. Теперь французскій ученый могъ отказаться отъ своего первоначальнаго плана идти по слѣдамъ Норденшильда, чтобы оказать ему помощь въ случаѣ надобности, и прямо отправился на мѣсто изслѣдованія — къ западному берегу Земли Греяма. Шарко взялъ съ собою собакъ, которыхъ везла обратно шведская экспедиція и можно было пред-

полагать, что благодаря благоприятной погоде лѣта 1904 года онъ сможетъ проникнуть въ тайны южнаго полярнаго материка глубже, чѣмъ это удалось шотландцамъ и нѣмцамъ изъ-за необычайно плохой погоды».

По дороге, на Огненной Земле, путешественники приобрели разборный домик для зимовки. Наконец, 1 февраля 1904 г. судно вошло в антарктические воды в районе Южных Шетландских островов. Там моряки попали в южный полярный шторм, но им удалось найти приют в тихой бухте Уондел на одноименном острове, в западной части Земли Грейама. Там команда Шарко построила на берегу дом и склады и благополучно перенесла зимовку. Ездовые собаки, которые никогда не видели пингвинов, набросились на птиц и пополнили запас провианта. Весной участники экспедиции с удовольствием ели яйца пингвинов. Будучи по натуре добрым человеком, Шарко по поводу сбора яиц испытывал угрызения совести. Он убедил матросов, в свою очередь, отплатить добром доверчивым птицам. Матросы собрали камни и сложили из них удобные гнезда для пингвинов, на которые у птиц ушло бы несколько дней труда.

Во время зимовки Шарко, который взял в экспедицию «волшебный фонарь», развлекал своих спутников сеансами «кино», устраивал концерты и читал лекции на организованных им вечерних курсах. Весной французы покинули бухту Уондела и направились дальше на юг. Однако судно напоролось на подводную часть айсберга, которая пробила обшивку, образовалась значительная течь. Откачивание воды из трюма и ремонтные работы позволили дойти своим ходом до аргентинского порта Пуэрто-Мадрин, где они узнали, что экспедиция уже считалась пропавшей без вести. Поврежденное судно не могло пересечь Атлантический океан, и его выкупила Аргентина для снабжения антарктических портов и отдаленных метеостанций.

Через год после отплытия Шарко была организована спасательная экспедиция, которая обследовала Южно-Шетландские острова и вернулась обратно ни с чем, объявив, что, вероятно, все члены экспедиции и сам Шарко погибли. Однако все они были живы и даже здоровы. Из Аргентины путешественники от-

правились сначала в Танжер, из Танжера — в Тулон, из Тулона — в Париж.

В Париже их торжественно встречали члены правительства и целая группа ученых. В общей сложности экспедиция продлилась почти два года, Шарко исследовал и описал около 1000 километров береговой линии в районе островов Палмер и Биско возле Антарктического полуострова (помимо прочего, он дал название морю Беллинсгаузена и Земле Лубе) и привез 75 ящиков материалов и экспонатов для парижского Музея естественной истории.

Вторая антарктическая экспедиция Шарко

В 1907 г. Шарко начал планировать новую антарктическую экспедицию. Для этого на верфи в Сен-Мало он заказал постройку нового судна. Теперь это был трехмачтовый барк «*Pourquoi Pas?*»⁶. Не кажется ли читателям такое название немного странным? «Оно выражает одновременно сомнение и волю. Я всегда сомневаюсь в себе, но стараюсь сделать свое дело как можно лучше», — объяснял сам Шарко.

Судно было предназначено для полярных экспедиций, оборудовано мощным двигателем и имело три лаборатории и богатую библиотеку. Оно было специально подготовлено для безопасного плавания в сложных условиях Антарктики. Мачты сделали укороченными, а реи усилили. Паровая машина развивала мощность 800 лошадиных сил (рис. 1.5, см. цветную вклейку).

В 1908–1910 гг. Шарко провел вторую антарктическую экспедицию, в ходе которой предполагалось двигаться на юго-запад от Земли Грейама и по возможности проникнуть дальше, в ранее не исследованную восточную часть квадранта Росса. Покинув берега Огненной Земли, Шарко направился к острову Обмана в Южно-Шетландском архипелаге. Так как в проливе Жерлаша (между архипелагом Пальмера и Землей Данко) не нашлось ни

⁶ *Pourquoi Pas?* (франц.) — почему бы нет?

одной удобной бухты, чтобы можно было высадиться на берег, Шарко с двумя товарищами исследовали пролив Бельжики (между островами Биско и материком), чтобы определить, возможно ли провести здесь корабль. Тут Шарко и его спутники чуть не погибли, когда плавучими льдами их чуть было не отрезало от «Pourquoi Pas?».

Направившись вдоль берега Земли Грейама, Шарко произвел точную съемку всех близлежащих островов. Он убедился, что к югу от весьма значительного по размеру острова Аделаиды находится обширный залив, далеко вдающийся в глубь Антарктиды, и назвал его заливом Маргариты. Открытая Шарко в первой экспедиции Земля Лубе оказалась частью берега этого залива. Ее продолжение Шарко назвал берегом Фальера. Таким образом, было впервые нанесено на карту свыше 200 км береговой линии. На другом берегу залива Шарко картографировал значительную часть побережья Земли Александра I.

На зимовку члены экспедиции стали у острова Петерманна. Отсюда в начале зимы Шарко с товарищами совершили несколько походов по ледникам, пока непогода не лишила их возможности покинуть пределы лагеря. В ноябре судно удалось добраться до острова Обмана и у китобоев пополнить снаряжение и запасы еды. Затем Шарко вновь отправился к югу, по дороге обследовав все южные берега Южно-Шетландских островов.

Экспедиции удалось, несмотря на обилие льдов и чрезвычайно сложную погодную обстановку, проникнуть южнее, чем в первый раз. Здесь были открыты новые участки суши, в честь отца полярного исследователя названа бухта Шарко. Затем тяжелые льды вынудили их прекратить продвижение на юг. Шарко направил судно на запад, мимо Земли Александра I и острова Петра I. Он подтвердил, что этот остров, открытый Беллинсгаузеном, действительно находится на том месте, где его видел русский исследователь. В существовании острова Петра I были сомнения, так как в тумане его не всегда удавалось увидеть.

Пролив между Землей Грейама и Землей Александра I Шарко назвал в честь русского ученого-океанографа Ю.М. Шокальского. «Pourquoi Pas?» продолжал свой путь открытым морем, но вы-

нужден был повернуть к Южной Америке, когда истощился запас угля. Таким образом, вторая антарктическая экспедиция Шарко оказалась не менее удачной, чем первая. С Земли Лубе и Земли Грейама экспедиция привезла множество геологических образцов. Не обошлось без серьезных повреждений корпуса, но, несмотря на тяжелую работу и крайнее утомление, экспедиция Шарко вернулась домой в полном составе.

Настоящим открытием было обнаружение там шестилучевой губки *Scolymastra joubini*, которая считается до сих пор самым долгоживущим организмом в животном мире (возраст установлен, к сожалению, косвенно — по изменению размеров и потреблению кислорода). По окончании экспедиции в 1911 г. «*Pourquoi Pas?*» был передан Высшей практической школе. Судно стало плавучей лабораторией, а Шарко — директором этой школы. В 1912—1913 гг. Управление торгового флота стало использовать «*Pourquoi Pas?*» в качестве учебного судна. Во время Первой мировой войны оно было стационарной базой училища вахтенных начальников в Лорьяне.

Последние плавания Жана-Батиста Шарко

Первая мировая война для Жана-Батиста Шарко началась с мобилизации и работы врачом в морском госпитале в Шербуре. Он добился перевода в боевые части, и в конце концов его назначили командиром трех построенных по его планам охотников за подводными лодками. До окончания войны Шарко успешно занимался противолодочной обороной у берегов Бретани и Нормандии, за что он был награжден боевыми орденами Франции и Великобритании. После войны руководство военноморского флота повысило его в чине, сразу минуя несколько воинских званий. В пятьдесят шесть лет Жан-Батист Шарко стал капитаном второго ранга.

По окончании войны в 1918—1925 гг. Шарко занимался литологическими исследованиями в европейских морях и прилегающих районах Атлантики, затем изучал восточное побережье Гренландии. В 1925 г. Шарко на своем судне участвовал в поис-

ках Руаля Амундсена, который вместе с полярным летчиком Рисер-Ларсеном пытался на гидросамолете достичь Северного полюса. Принимал участие барк и в поисках Амундсена в 1928 г., когда великий полярный исследователь на самолете «Латам» вылетел на помощь итальянской экспедиции Нобиле, чей дирижабль «Италия» потерпел крушение в Арктике.

Жан-Батист Шарко вел огромную научную работу, публикуя результаты ее в гидрографических сборниках Морской гидрографической службы. Он руководил исследованиями созданной им Морской лаборатории высших знаний. Кроме специальных научных трудов, он опубликовал получившие широкую известность отчеты об экспедиции 1903–1905 гг. («Вокруг южного полюса», 1912 г.), о путешествии на корабле «*Pourquoi Pas?*» (1919 г.) и книгу о Христофоре Колумбе и его путешествиях.

В 1934–1936 гг. он работал в Гренландии. Ее восточное побережье интересовало ученых Дании, Норвегии и Франции с геологической и физико-географической точек зрения. Там располагали метеорологические полярные станции, туда отправлялись ученые этнографы, изучавшие жизнь и язык эскимосов. Сам Шарко тоже проводил гидрографические научные исследования, несмотря на сложную ледовую обстановку. И на судне, и потом в парижском доме Шарко, в рабочем кабинете Шарко-отца, где висел портрет знаменитого невролога, собирались представители научной и морской элиты разных стран периода между двумя войнами.

В июле 1934 г. «*Pourquoi Pas?*», ежегодно заходивший в гренландские воды, перевез из Франции в Гренландию группу молодых ученых под руководством Поля Эмиля Виктора. В августе 1935 г. он же доставил группу обратно в Европу. В июле 1936 г. эти же ученые снова отправились в Гренландию и на борту «*Pourquoi Pas?*» должны были вернуться.

Судно вышло из исландского порта Рейкьявик, где до этого пришлось в течение двух недель ремонтировать котел, в Копенгаген. К вечеру поднялась буря, и капитан Конья (Жан-Батист Шарко уже не мог быть капитаном по возрасту) решил повернуть обратно к Рейкьявику. «Мы провели весь день, страдая от качки,

промокшие, каждую минуту ожидая столкновения с айсбергом. Ночь была ужасной: огромные волны обрушивались на судно, заливая всю носовую часть. Тем не менее мы несколько продвинулись вперед, выйдя из зоны айсбергов... от нас требовалась теперь величайшая осторожность, ибо первая же сильная волна могла покончить с нами», — написал Шарко в своем дневнике.

Ночью буря усилилась, и судно напоролось на подводные камни фьорда Борга. Вода проникла в машинное отделение, что привело к взрыву, вероятно, недостаточно хорошо отремонтированного котла. Судно тотчас же пошло ко дну. Чудом спасся только один человек. Так погибли Жан-Батист Шарко и его судно «Pourquoi Pas?», на котором он столько лет совершал полярные плавания. В 1952 г. был открыт памятник Ж.-Б. Шарко в Рейкьявике. Его именем названы пролив и гора в архипелаге Кергелен, а в честь его судна получили название мыс «Pourquoi Pas?» в Антарктике и остров там же.

И все-таки врач остается врачом в любом возрасте и в любой ситуации. В 1931 г. Шарко на своем корабле привез в Гренландию группу специалистов, которые должны были там устроить полярную станцию с обсерваторией. Шарко пишет: «Все хорошо потрудились, и мы могли тогда же двинуться в обратный путь, но трехлетний ребенок радиста уже три дня лежал в жару (39,9° С). Бедные мама и папа цеплялись за мои медицинские познания; и я, право же, не мог покинуть их. С согласия моих товарищей я решил не оставлять их в столь тревожном положении. Благодаря моему строго научному и энергическому лечению (вы ведь знаете, как я ценю терапию), к вечеру 10-го жар спал, 11-го температура снизилась до нормальной, и мы вышли в море, провожаемые благословениями, пожеланиями и криками “ура”».

Может быть, Жан-Батист Шарко прожил жизнь не совсем так, как хотелось бы его знаменитому отцу. Но в то же время он исполнил его волю, ведь врач всегда останется врачом, даже если он известный полярный мореплаватель! Врач — профессия героическая и требует героического поведения при любых обстоятельствах, будь то переполненный пациентами госпиталь, пандемия, война или арктический шторм (рис. 1.6, см. цветную вклейку).